

УДК 18:791.43

Юлия Коваленко

**«КАЗУС БОРАТА»: СМЕХ КАК МЕХАНИЗМ
ДИСТАНЦИРОВАНИЯ ОТ РЕАЛЬНОСТИ**

В статті розглядається категорія сміху та смішного як механізм дистанціювання від реальності, «о-своєння» Іншого та взаємозв'язок смішного із сучасною логікою капіталізму.

Ключові слова: *Реальність, смішне, о-своєння, Інший.*

В статье рассматривается категория смеха и смешного как механизм дистанцирования от реальности, «о-своения» Другого и взаимосвязь смешного с современной логикой капитализма.

Ключевые слова: *Реальность, смешное, о-своение, Другой.*

Category of laughter and funniest as a mechanism of distancing from the reality, Other's «assimilation» and their interrelation with capitalistic logic are analyzed in the article.

Keywords: *Reality, funniest, assimilation, Other.*

Недавно в Кувейте на чемпионате мира по стрельбе произошел курьезный случай: во время приветствия команды спортсменов из Казахстана организаторы по ошибке включили вместо официального гимна страны ремейк из скандальной комедии «Борат: культурные исследования Америки в пользу славного государства Казахстан». В остром нашумевшем в 2006 году фильме британского режиссера Лари Чарльза речь идет о вымышленном казахском журналисте, который приезжает в США, чтобы снять документальный репортаж. Картина состоит из многочисленных неpolitкорректных шуток, высмеивающих казахстанского персонажа и, в общем-то, саму Республику Казахстан [1].

И можно было бы списать на случайность эту ошибку организаторов чемпионата, включивших гимн из «Бората», однако, если присмотреться, вся эта ситуация выглядит очень символично. При чем, показателен не только сам курьез, но и реакция Казахстанского МИДа на происшествие – глава министерства Ержан Казыханов, ранее резко критиковавший картину, теперь же официально заявил, что фильм способствует увеличению привлекательности Казахстана для туристов. Так вот интерес здесь кроется не в том, что «Борат», так или иначе, придает стране мировой «популярности», а именно в том, что песня из столь неpolitкорректной комедии вдруг звучит в качестве гимна и официальные лица признают заслуги фильма, высмеивающего само государство.

Проще говоря, нам следует внимательней присмотреться к смешному, как к культурному актору. Ведь очевидно, что смешное занимает довольно

парадоксальную позицию: с одной стороны, смех над государственным, официальным всегда таит в себе некую угрозу этой государственности (логично, что боясь оказаться шутком, нередко правительства запрещают высмеивания в свой адрес, как это недавно сделал Александр Лукашенко, запретив трансляцию комедийного проекта «Прожекторперисхилтон», в одном из выпусков которого прозвучали шутки вокруг президента Беларуси), но, с другой стороны, смешное вдруг оказывается чем-то, «работающим» во благо государственности, как это случилось с Казахстаном и фильмом «Борат». Причина всего этого лежит не на поверхности государственной политики, а глубоко в природе смеха, как механизма дистанцирования от реальности.

При чем реальность здесь понимается на двух условных уровнях: как социальная (либо же Символическая) реальность, и Реальное в определениях Жака Лакана. Вспомним, что Лакан предполагал существование всего трех возможных состояний психики – Реальное, Воображаемое и Символическое. Под Реальным французский мыслитель понимал состояние до субъективности, до включения в символическую сеть, в сеть языка, состояние гармоничного единства и не-оторванности, короче – до рождения, состояние нахождения в утробе матери. С рождением, по лакановской логике, человек обретает свою травматичную субъективность, поскольку становится от-дельным, от-чужденным, включенным в субъект-субъектные отношения, в текст культуры.

Желанию преодолеть эту травматичную от-дельность и вернуться в гармоничное состояние Реального, до-субъективного человек и посвящает всю свою жизнь. Главным образом, субъект находит утешения в признаниях своего Я Другим – когда Другой признает мое Я, возникает (хоть и иллюзорное и кратковременное) ощущение полноты, единства, гармоничной неотчужденности, в общем, иллюзорное ощущение состояния Реального. В этом смысле, Другой становится, как выражался Сартр, адом – с одной стороны, с признанием моего Я Другим связано хотя бы иллюзорное ощущение гармоничного единства, но, с другой стороны, Другой питает травматичное ощущение от-чужденности, от-дельности субъекта самим лишь своим существованием.

С фатальными попытками избавиться от своей субъективности связана страсть субъекта о-своить Другого, т. е. преодолеть разрыв с этим Другим, сделать его частью себя. Жак Лакан говорил о стремлении субъекта получить «Другого в собственном распоряжении» [3, с. 154]. Думаю, сегодня речь должна идти уже даже не о распоряжении Другим, то есть уже не просто о претендовании на приватизацию Другого, а именно об о-своении Другого, о требовании изначально своего Другого.

Такой о-своенный Другой будет занимать парадоксальную позицию. С одной стороны, между мной и моим о-своенным Другим уже преодолен разрыв, он не есть более Другим, обозначающим мою субъективность, т. е. с таким о-своенным Другим исчезает травматичная отчужденность. Но, с другой стороны, Другой продолжает существовать, поскольку, если «тождество возможно только в силу различания», как говорит Виктор Мазин [4, с. 95], то и гармоничное ощущение единства и признания возможно также только в силу Другого. Именно страсть о-своения Другого есть нашей сегодняшней попыткой избавиться от негармоничного существования в Символической сети, в социальном.

В этой связи, как замечает Славой Жижек, процесс виртуализации (о котором чаще всего принято сегодня говорить в рамках Бодрийяровской концепции симуляции) оказывается основой любых субъект-субъектных отношений, любой коммуникации. Ведь, во-первых, общаясь с Другим, Я общаюсь не конкретно с ним, а с неким его образом, который Я выстраиваю себе: «Я понимаю, что вы испражняетесь, потеете, не говоря уж о другом, но я продолжаю с вами общаться, т. е. общаюсь не с вашим реальным образом, а тем образом, который я себе представляю, с виртуальным образом», – говорит Славой Жижек [2]. А, во-вторых, именно этот виртуальный образ Другого, выстроенный моим Я, становится некоторой «точкой отсчета» для о-своения Другого мною.

Чем, как не своеобразным способом о-своения кажется смех? Ситуация, в которой Другой может быть для меня смешным, это ситуация, когда Другой становится о-своенным, а потому, разрыв с ним якобы преодолевается. В такой ситуации Другой лишается своей абсолютной чужести по определению. Здесь нет места для Абсолютно Другого, вызывающего у субъекта глубинный страх. Этот Абсолютно Другой будет вызывать у меня страх именно потому, что в силу своей таинственности и закрытости для меня, он не может стать, словами Лакана, сценой для моего Я, т. е. Абсолютно Другой страшен для меня тем, что я не могу получить от него признания своего Я, которое питало бы хотя бы иллюзорное и кратковременное ощущение полноты и неотчужденности. Проще и короче говоря, Абсолютно Другой вызывает страх тем, что он не находит своего места в символической системе субъекта.

И о-смеивание Другого есть ни чем иным, как механизмом «вписывания» Другого в символическую сеть, а потому и механизмом о-своения. О-смеивание это всегда процесс, с одной стороны, выстраивания виртуального образа Другого и включения его в субъект-субъектные отношения, а с другой стороны, процесс иллюзорного лишения Другого его дружности, чужести, некоторого преодоления разрыва между Я и

Другим. Ведь о-смеянный Другой – это мой, о-своенный виртуальный образ Другого, что подразумевает максимальное преодоление разрыва с Другим. Короче говоря, о-смеивая Другого я вписываю его в свою символическую систему, но так вписываю, что Другой становится о-своенным мною.

И таким образом, смех якобы приближает меня к, опять же, иллюзорному ощущению полноты и неотчужденности, ощущению состояния Реального и до-субъективного. Но ключевое слово здесь «иллюзорное»: как только в такое кажущееся гармоничное состояние полноты просачивается субъективность, когда якобы о-своенный Другой «восстает» против такой априорной приватизации моим Я и проявляет свою другость, я опять попадаю в травматичное ощущение отчужденности, оторванности и абсолютной субъективности – я возвращаюсь в Реальность своей субъективности. И таким образом, смех, о-смеивание, есть механизм дистанцирования от «не-виртуализированной», Реальной субъективности.

Славой Жижек, говоря о процессе виртуализации на всех трех лакановских регистрах (Реальное-Воображаемое-Символическое), замечает, что виртуализация Символического (структуры социального) заключается в необходимости культурной системы норм и запретов оставаться образной (виртуальной), в рамках лишь угроз, не переступая черту реализации: «Если авторитет действует слишком неприкрыто, это парадоксально выступает как признак импотенции... в нем начинает ощущаться что-то от шута», – говорит Жижек [2]. И вот тут, как мне кажется, нужно пойти немного дальше.

Нам нужно признать, что вся Символическая структура норм и запретов должна быть не просто образной, оставаться только лишь в рамках угроз, дабы продолжать свое функционирование, но и сами угрозы должны быть парадоксально о-своены, не восприниматься непосредственно как угрозы, стать некоторым фантомом, чтобы продолжать функционировать. Как в той несмешной шутке про арахнофобов – если ты видишь паука, это не страшно... страшно, когда ты его не видишь. Если социальная угроза серьезна, она перестает функционировать – функционирует она, только если не воспринимается со всей серьезностью. Вот в этом заключается ключевой парадокс.

Именно поэтому, к примеру, огромный массив компромата, публикуемого в прошлом году Джулианом Ассанджем, по большому счету, не принес никакого результата, кроме кратковременного общественного интереса. Желая «раскрыть глаза людям» на действительную, реальную политику, Ассандж представил серьезную, реальную суть вещей.

Метафорично выражаясь, он показал всем большого страшного паука и, тем самым, сделал его «слишком реальным». Такая «неприличная» реальность источника травмы, конечно же, вызывает необходимость дистанцироваться от нее. И именно в силу этого никаких серьезных изменений ни в мировой политике, ни, тем более, в общественном сознании не последовало (да о чем мы говорим – ни один разоблаченный политик не понес наказания за свои незаконные действия!). Проще говоря, нами движет принцип, согласно которому все, что ты будешь пытаться репрезентировать как слишком серьезное, таковым не будет воспринято, и, соответственно, наоборот.

Не из этой ли скрытой логики исходя, прозвучало официальное заявление МИДа Казахстана о том, что совершенно неpolitкорректный фильм, высмеивающий страну, работает во благо этого государства? Осмеянное государственное, официальное, как бы парадоксально это не выглядело, в итоге функционирует как действующая/действительная система норм и запретов.

Смешное как механизм дистанцирования от Реальной субъективности, механизм о-своения Другого, вписывания его в частную Символическую сеть есть не чем иным, как капиталистической логикой. Именно логика капитализма, порождающая наше требование не просто приватизации Другого, а его о-своение, приводит, в итоге, к тому, что гимном страны звучит песня из комедии со словами «В Казахстане самые чистые в регионе проститутки, за исключением, конечно, Туркменистана» и «Казахстан – самая передовая страна в мире – мы изобрели ириски и ремни для брюк». Ведь, давайте, наконец, признаемся – в подобных случаях все мы руководствуемся приблизительно следующим принципом: в этом нет ничего нового, мы это и так подразумеваем, поскольку все это общеизвестно, но пока это остается в области наших догадок, фантазмов, это остается не травматичным для нас; и поэтому, когда все это предстает перед нами в своей «неприличной» реальности, мы просто не воспринимаем это всерьез, дабы не разрушить спасительную фантазматичность.

Именно поэтому на компромат Ассанджа со всех сторон звучал один ответ – «Бросьте, здесь нет ничего компрометирующего!». Несерьезное восприятие огромного архива официальных документов, подтверждающих наши фантазмы вокруг мировой политики, дистанцировало нас от травматичной реальности социального, Символического порядка. Когда нам «в лоб» заявляют «посмотрите – вот официальные документы, подтверждающие, что США напрямую связаны с террористическими силами, или что Вашингтон следит за

администрацией Путина и Медведева», все, что остается нам, чтобы избежать травматического столкновения с реальной сутью вещей – засмеяться и ответить «А как же! Но Брюс Уиллис нас спасет!» (причем, параллель с кинематографом возникает совершенно не случайно!).

Парадоксально, но реальный, действительный порядок вещей нашего Символического может быть воспринят только иронично, и, в то же время, о-смеянное всегда заставляет воспринять ядро происходящего серьезно. Когда победивший на выборах президента Путин расплакался на Манежной площади, все шутили «плачущего Путина сыграл Безруков». Но не это ли о-смеивание позволило о-своить ситуацию, вписать ее в Символическую сеть и, в результате, за всем этим репрезентируем либеральным пафосом увидеть обычное капиталистическое воспроизводство старого сценария. Подобные речи мы слышали десятки раз: и в 2004 году на киевском Майдане, и, в общем-то, каждый год на церемонии вручения кинопремии «Оскар».

Однако вся опасность тут заключается в том, что смешное, которое есть путем о-своения Другого, приносит иллюзорное ощущение преодоления разрыва, хоть и таит в себе Реальное ядро событий, хоть и возвращает нас всегда к пониманию действительного, реального социального порядка, тем ни менее не дает нам возможности выйти из либерально-капиталистических уз. Символично прозвучавший в Кувейте гимн из «Бората», как бы радикально это не звучало, это модель нашего Символического. Ироничная песня, о-смеивающая Реальное, действительное ядро либерального пафоса, на котором строится структура нашего социального, вдруг не становится источником травмы, не становится толчком к изменениям в общественном сознании, а признается благотворствующим актором.

То есть, иными словами, либерально-капиталистический пафос, который за репрезентируемыми устремленностями на мультикультурализм, толерантность, равноправие и экономическое развитие, по сути, скрывает верх нетерпимости и неравенства, был о-своен смешной ситуацией с гимном из «Бората». Смешное, как механизм преодоления разрыва в социальной структуре, достижения иллюзорного ощущения гармоничного единства и избавления от субъективности, в случае кувейтского курьеза наглядно демонстрирует то, как мы дистанцируемся от травматичной Реальности Символического.

Признание Казахстанским МИДом заслуг комедии «Борат» перед государством есть не чем иным, как прямым (осозанным или не осозанным – не имеет значения) воплощением той самой логики, когда мы хоть и понимаем Реальность ядра происходящего, понимаем, что

именно скрывается за либерально-капиталистической программой, но о-смеивание сглаживает это травматичное осознание, иллюзорно преодолевает болезненное ощущение негармоничного существования, отчужденности и субъективности. В этом смысле, конечно, неполиткорректный гимн из «Бората» на мировом чемпионате по стрельбе в Кувейте звучал крайне иронично и символично.

И ровно до тех пор, пока мы будем продолжать останавливаться только на о-смеивании разрывов в ткани Символического, сглаживании травматического ядра Реальной сути вещей, прозвучавший на чемпионате в Кувейте гимн из «Бората» будет все менее и менее походить на нелепую случайность. Пока мы будем продолжать дистанцироваться от понимания того, что либерально-капиталистические стремлениями борьбы за демократию во всем мире совершаются ценой самих демократических ценностей, все, что нам будет оставаться – спасительный смех.

Пока на чемпионате звучала ироническая песня из нашумевшей комедии, спортсменка из Казахстана стояла, приложив руку к груди. Это то, какая нами руководит логика: мы готовы прикладывать руку к груди под слова о «чистейших проститутках», поскольку не хотим ломать Символическую структуру. В этом наша ошибка. Славой Жижек как-то призывал «требовать невозможного» – отказаться от капиталистической логики [5]. Если мы наберемся мужества за о-смеиванием столкнуться с Реальным ядром вещей, осознать его, перед нами откроется возможность избавиться от либерально-капиталистического пафоса, за которым следуют гораздо более серьезные последствия, нежели курьез в Кувейте.

1. В Кувейте перепутали гимн Казахстана с песней из фильма «Борат» // Lenta.ru. – 23.03.2012 [http://lenta.ru] URL: <http://lenta.ru/news/2012/03/23/borat/>
2. Жижек С. Реальность виртуального / Пер. с англ. А. В. Коркина, К. А. Капельчук, А. Е. Радев. – СПб.: СПбГУ, 2009.
3. Лакан Ж. Образования бессознательного (Семинары: Книга V (1957/195 8)) / Пер. с фр. А. Черноглазова.– М.: Гнозис, Логос, 2002.– 608 с.
4. Мазин В. Субъект Фрейда и Деррида.– СПб.: Алетейя, 2010.– 256 с.
5. Zizek S. Let us be realists and demand the impossible: communism // Festival of dangerous ideas, Sydney – 1-2 October, 2011.– URL: http://play.sydneypoperahouse.com/index.php/media/1491-slavoj-_i_ek-the-impossible-communism.html?catid=867&field_name=value1#.TqVho01gZKs.vk